

Глава 1

Вот все, что я знаю о Франции: «Мадлен»¹, «Амели» и «Мулен Руж». Еще Эйфелева башня и Триумфальная арка, хотя понятия не имею, зачем они нужны на самом деле. Наполеон, Мария-Антуанетта и множество королей по имени Людовик. Я не уверена, в чем их заслуги, но думаю, что они как-то связаны с Французской революцией, которая имеет некое отношение ко Дню взятия Бастилии. Художественный музей под названием Лувр в форме пирамиды, в котором обитает Мона Лиза вместе со статуей безрукой женщины. И на каждом углу есть кафе или бистро, или как там их еще называют. И мимы. Еда, должно быть, вкусная, жители пьют много вина и не упускают случая выкурить сигаретку.

¹ «Мадлен» — медиафраншиза, основанная на серии детских книг, написанных и иллюстрированных Людвигом Бемельмансом. История повествует о приключениях семилетней девочки Мадлен, которая учится в парижской католической школе-интернате. Книги были адаптированы в художественные фильмы, телесериал, спектакль и видеоигры.

Я слышала, что французы не жалуют американцев и не любят белые кроссовки.

Несколько месяцев назад отец записал меня в местную школу-интернат. Его восторженные доводы с треском пронеслись по телефонной линии, когда он заявил, что жизнь за границей — это «отличная практика» и «памятный подарок, которым я буду дорожить вечно». Конечно. Подарок. Не будь я в бешенстве, уже бы указала отцу на неправильную трактовку слова.

С момента его заявления я пыталась кричать, упрашивать, умолять и плакать, но он был непреклонен. Теперь у меня в руках новая студенческая виза и паспорт, где написано, что я — Анна Олифант, гражданка Соединенных Штатов Америки. И вот я здесь, вместе с родителями — распаковываю вещи в комнатухе размером меньше моего чемодана — новенькая ученица Школы Америки в Париже.

Не то чтобы я не благодарна. В смысле, это же *Париж*. Город Света! Самый романтичный город в мире! Мне сложно перед ним устоять. Просто вся эта история с переводом в международную школу больше про отца, чем про меня. С тех пор, как он продал свой талант и начал писать отстойные книги, по которым впоследствии сняли еще более убогие фильмы, он пытается произвести впечатление на знаменитых нью-йоркских друзей своей интеллигентностью и богатством.

Моего отца нельзя назвать интеллигентом. Но он богат.

Так было не всегда. Когда мои родители еще были женаты, мы принадлежали к низшим слоям среднего класса. Как раз во время развода все границы приличия стерлись, и его мечта стать следу-

ющим великим южным писателем сменилась неудержимым стремлением войти в список самых *публикуемых* авторов. Так он начал писать романы, действие которых происходит в маленьком городке Джорджия, о людях с правильными американскими ценностями, которые неизбежно влюбляются, а затем подхватывают смертельные болезни и обязательно умирают.

Я серьезно.

Меня крайне угнетают подобные истории, но вот дамочки с радостью их поглощают. Они обожают книги моего отца, любят его вязаные свитеры, белоснежную улыбку и яркий загар. И они же превратили его в автора бестселлеров и полного придурка.

Две его книги экранизировали, и сценарии еще трех находятся в разработке, что и приносит деньги на банковский счет. Голливуд. И, каким-то образом, этот финансовый поток и псевдо-престиж заставили отца думать, что я должна жить во Франции. На протяжении года. Совершенно одна. И я не понимаю, почему он не мог отправить меня в Австралию или Ирландию, или в любую другую страну, где родным языком является английский. Мне известно лишь одно французское слово — «oui», что означает «да», и только недавно я узнала, что оно произносится как «у-и», а не «в-и».

По крайней мере, в моей новой школе ученики разговаривают по-английски. Ее открыли специально для напыщенных американцев, которым чужда компания собственных детей. В самом деле. Кто еще способен отдать ребенка в школу-интернат? Это место напоминает Хогвартс. Только в моей школе нет ни симпатичных мальчи-

ков-волшебников, ни магических сладостей, ни уроков полета на метле.

Вместо этого я застряла тут с девяносто девятью другими учениками. В моем *выпускном классе* двадцать пять человек, в то время как в Атланте количество будущих выпускников приближалось к шести сотням. Я буду изучать те же предметы, что и в школе Клермонта, за исключением одной новой дисциплины — французский для начинающих.

Ах, да. Французский для начинающих. Несомненно, с первокурсниками. Просто улет.

Мама говорит, что мне нужно как можно скорее свыкнуться и отбросить сожаления, но ведь это не она оставляет свою потрясающую лучшую подругу, Бриджит. Или невероятно крутую работу в современном мультиплексном кинотеатре. Или Тофа, классного парня из того же кинотеатра.

И мне до сих пор не верится, что мама разлучает меня с младшим братом, Шоном. Ему всего семь, и он слишком мал, чтобы после школы оставаться дома одному. Без меня его наверняка похитит тот жуткий парень, живущий дальше по улице, у которого на окнах постоянно развешаны грязные полотенца с логотипом «Coca-Cola». Или Шони случайно слопает что-то, содержащее красный пищевой краситель; его горло распухнет, и никто не сможет отвезти его в больницу. Шон может даже умереть. И держу пари, что родители не позволят мне прилететь на его похороны, так что мне придется в одиночку посетить кладбище в следующем году, а папа, непременно, выберет кошмарного гранитного херувима для надгробия.

И я надеюсь, он не ждет, что я стану заполнять заявления на поступление в колледж в России

или Румынии. Моя мечта — изучать теорию кино в Калифорнии. Хочу стать первой великой женщиной-кинокритиком в нашей стране. Однажды меня начнут приглашать на каждый фестиваль, и я буду вести крупную газетную колонку, крутое тв-шоу и мой сайт будет пользоваться невероятной популярностью. Пока из всего этого у меня есть только сайт, но он совсем не популярен. Пока что.

Мне просто требуется чуть больше времени, чтобы доработать его, вот и все.

— Анна, пора.

— Что? — я поднимаю взгляд от футболки, которую складываю в идеальный квадрат.

Мама смотрит на меня, теребя в руке свой кулон в форме черепахи. Отец, одетый в персиковую рубашку-поло и белые лодочки, выглядывает из окна моей спальни. Уже довольно поздно, но на другой стороне улицы женщина поет что-то из оперы.

Родителям пора возвращаться в гостиничные номера. У обоих утром обратные рейсы.

— Ох, — я чуть крепче сжимаю футболку в руках.

Папа отходит от окна, и я с тревогой замечаю его влажные глаза.

От самой мысли, что отец — даже если это мой отец — готов вот-вот разрыдаться, у меня перехватывает дыхание.

— Что ж, малышка. Похоже, ты уже совсем взрослая.

Мое тело будто застывает. Он притягивает мои окоченевшие конечности в медвежьё объятия. Его сильная хватка пугает.

— Береги себя. Учись усердно и заведи новых друзей. И остерегайся карманников, — добавляет он. — Иногда они работают в паре.

Я киваю ему в плечо, и он отпускает меня. А потом папа уходит.

Мама ненадолго задерживается.

— Тебя ждет чудесный год, — говорит она. — Я это знаю.

Я закусываю губу, пытаюсь унять дрожь, и мама обнимает меня. Пытаюсь дышать ровно. Вдох. Считаю до трех. Выдох. Ее кожа пахнет грейпфрутовым лосьоном для тела.

— Я позвоню, как только доберусь домой, — заверяет она.

Дом. Атланта больше не мой дом.

— Я люблю тебя, Анна.

И вот по моим щекам уже катятся слезы.

— Я тоже тебя люблю. Позаботься о Шони вместо меня.

— Конечно.

— И о капитане Джеке, — добавляю я. — Убедись, что Шон его кормит, меняет пеленки и наполняет бутылочку с водой. И проследи, что он не дает ему слишком много лакомств, иначе Джек растолстеет и не сможет выбраться из своего домика. Но проверяй, чтобы давал хотя бы несколько кусочков каждый день, потому что малышу все еще нужен витамин С, но он не станет пить воду, если добавить туда витаминные капли...

Мама отстраняется и заправляет мою обесцвеченную прядку за ухо.

— Я люблю тебя, — повторяет она.

А потом делает то, во что я не готова была поверить даже после всей этой бумажной волокиты,

Анна и французский поцелуй

билетов на самолет и презентаций. То, что в любом случае произошло бы в следующем году, при поступлении в колледж. Но сколько бы дней, месяцев и лет я ни стремилась к этому, внутренне я все еще не верила, что этот момент настал.

Мама уходит. Я остаюсь одна.

Глава 2

Я чувствую, что она приближается, но ничего не могу сделать.

ПАНИКА.

Они оставили меня. Родители на самом деле бросили меня! **ВО ФРАНЦИИ!**

Тем временем Париж подозрительно затих. Даже оперная певица завершила свой концерт. Я *не могу* сорваться. Стены здесь тоньше картона, так что если я сломаюсь, мои соседи — мои новые одноклассники — все услышат. Меня сейчас стошнит. Вырвет тем странным баклажанным соусом, что я съела за ужином, и всем будет слышно, и тогда никто не пригласит меня посмотреть, как мимы вылезают из своих невидимых коробок, или чем еще тут занимаются люди в свободное время.

Я подбегаю к раковине, чтобы плеснуть водой в лицо, но вместо этого резко вырвавшийся поток воды заливает мою футболку. И теперь я плачу сильнее, потому что еще не успела распаковать полотенца, а мокрая одежда напоминает о тех идиотских водных аттракционах, на которые

Бриджит и Мэтт постоянно тащили меня в парке, где вода странного, неестественного цвета и пахнет краской, и в ней миллиард триллионов бактерий. О, боже. Что, если в этой воде тоже есть бактерии? Можно ли вообще пить воду из-под крана во Франции?

Жалкое зрелище. Какая же я слабая.

Сколько семнадцатилетних подростков готовы убить за возможность жить отдельно? Мои соседи явно не страдают от срывов. Из-за стен спальни не доносится никакого плача. Я хватаю рубашку с кровати, чтобы вытереться насухо, когда на меня снисходит озарение. *Моя подушка*. Я падаю лицом в нее, воздвигая звуковой барьер, и рыдаю, рыдаю, рыдаю.

Кто-то стучит в мою дверь.

Нет. Разумеется, не в мою.

Но вот снова!

— Привет? — раздается женский голос из коридора. — Эй? Ты в порядке?

Нет, я не в порядке. УХОДИ. Но она снова зовет, и я вынуждена сползти с кровати, чтобы открыть дверь. На пороге стоит блондинка с длинными, упругими кудрями. Она высокая и крупная, но без капли лишнего веса. По комплекции напоминает волейболистов. Бриллиантовое колечко в носу сверкает в свете холла.

— У тебя все хорошо? — спрашивает она нежным голосом. — Я Мередит, живу в соседней комнате. Это твои родители только что ушли?

Мои опухшие глаза послужили ответом.

— Я тоже плакала в первую ночь, — она склоняет голову набок, задумывается на пару мгновений, а затем кивает. — Идем. *Chocolat chaud*.

— Шоколадное шоу? Зачем мне смотреть на шоколадное шоу? Мама бросила меня, и я боюсь выходить из комнаты, и...

— Нет, — Мередит улыбается. — *Chaud*. Это значит «горячий». Горячий шоколад, я могу приготовить его в своей комнате.

Ой.

Неожиданно для самой себя, я послушно сле-
дую за Мередит. Но она останавливает меня, вы-
тянув руку вперед, как регулировщик. На всех ее
пяти пальцах есть кольца.

— Не забудь ключ. Двери запираются автома-
тически.

— Я знаю, — и чтобы доказать это, вытаски-
ваю шнурок из-под футболки. Я повесила на него
ключ еще во время обязательных семинаров по
навыкам, жизненно необходимым для новопри-
бывших учеников, когда нам рассказали, как лег-
ко можно остаться снаружи запертой двери.

Мы заходим в соседнюю комнату. Я восхищен-
но вздыхаю. Она такого же крошечного разме-
ра, что и моя, семь на десять футов¹, с таким же
мини-столом, мини-комодом, мини-кроватью,
мини-холодильником, мини-раковиной и мини-
душом. (Мини-туалет отсутствует, он общий,
в конце холла). Но... в отличие от моей стериль-
ной клетки, каждый дюйм стен и потолка покры-
вают плакаты, картины, блестящие обертки и яр-
кие флаеры с надписями на французском языке.

— Как давно ты здесь? — спрашиваю я.

Мередит протягивает мне бумажный платок,
и я сморкаюсь, издавая ужасный гул, напоминая

¹ Семь на десять футов — примерно 213 на 304 см.

разъяренного гуся, но она не вздрагивает и даже не морщится.

— Я приехала вчера. Это мой четвертый год, поэтому мне не пришлось посещать вводные семинары. Я прилетела одна, так что просто развлекалась, ожидая приезда друзей.

Она оглядывается, подбоченившись, любуясь своей работой. Я замечаю на полу кипу журналов, ножницы и скотч, и понимаю, что декорирование еще не завершено.

— Неплохо, да? Белые стены не для меня.

Я обхожу ее комнату, разглядывая детали. Вскоре обнаруживаю, что большинство лиц на вырезках — одни и те же пять человек: Джон, Пол, Джордж, Ринго и какой-то футболист, которого я не узнаю.

— Я слушаю только The Beatles. Друзья дразнят меня из-за этого, но...

— Кто это? — указываю я на футболиста, одетого в красно-белую форму. У него темные брови и волосы. На самом деле довольно симпатичный.

— Сеск Фабрегас. Боже, да он самый потрясающий плеймейкер¹. Играет за «Арсенал». Английский футбольный клуб? Не знаешь?

Я помотала головой. Я не разбираюсь в спорте, но, возможно, следовало бы.

— У него отличные ноги.

— Тоже так думаешь? Этими бедрами можно забивать гвозди.

Пока Мередит варит *chocolat chaud*, я узнаю, что она тоже в выпускном классе и что она игра-

¹ Плеймейкер (или распасовщик) — игрок средней линии между нападением и защитой, преимущественно с его участием проходят атакующие действия.

ет в футбол только во время летних каникул, поскольку в нашей школе нет специальной программы, хотя раньше Мередит занимала первые места на чемпионате штата Массачусетс. Вот откуда она родом — из Бостона. Она напоминает мне, что здесь я должна называть игру «футболом», что, если подумать, имеет больше смысла¹. И она, кажется, не возражает, когда я донимаю ее вопросами или копаюсь в ее вещах.

Ее комната потрясающая. Помимо красочных вырезок, приклеенных скотчем к стенам, у Мередит есть дюжина фарфоровых чашечек с пластиковыми блестящими кольцами, серебряными кольцами с янтарем и стеклянными колечками с сухоцветами. Помещение выглядит так, будто она жила здесь много лет.

Я примеряю колечко с резиновым динозавром. При нажатии Ти-Рекс мигает красными, желтыми и синими огоньками.

— Хотела бы я иметь такую же комнату.

Мне нравится обстановка, но я слишком зацелена на чистоте, чтобы решиться на нечто подобное. Мне нужны чистые стены, свободный рабочий стол, и чтобы все непременно стояло на своих местах.

Мередит выглядит довольной комплиментом.

— Это твои друзья?

Я кладу динозаврика обратно в чашку и указываю на фотографию, прикрепленную к зеркалу. Снимок серый и мутный, напечатан на толстой

¹ В США привычный для нас (европейский) футбол называют «соккер». По мнению героини название «футбол» имеет больше смысла, т.к. «фут-» (англ. foot) в переводе значит «нога», а «-бол» (англ. ball) — «мяч».

глянцевой бумаге. Явно со школьной фотосессии. Четыре человека стоят перед гигантским полым кубом, а обилие стильной черной одежды и нарочито взлохмаченных волос указывает на принадлежность к местной неформальной арт-группе. Почему-то я удивлена. Знаю, что комната Меридит выглядит претенциозно и она носит все эти кольца на пальцах и в носу, но все остальное выглядит опрятно: сиреневый свитер, выглаженные джинсы, мягкий голос. Еще она играет в футбол, но при этом не пацанка.

Она расплывается в широкой улыбке, и ее колечко в носу весело подмигивает отблеском.

— Да. Элли сделала этот снимок в Ла-Дефанс¹. Это Джош, Сент-Клэр, я и Рашми. Ты познакомишься с ними завтра за завтраком. Ну, со всеми, кроме Элли. Она выпустилась в прошлом году.

Напряжение в желудке потихоньку проходит. Можно считать это приглашением сесть за их стол?

— Но я уверена, что и с ней вы вскоре встретитесь, они с Сент-Клэром встречаются. Сейчас Элли изучает фотографию в Parsons Paris².

Никогда не слышала об этой школе, но киваю так активно, будто сама собиралась туда поступать.

— Она *по-настоящему* талантлива, — резкость в ее голосе говорит об обратном, но я предпочитаю промолчать.

¹ Ла-Дефанс (*франц.* La Défense) — современный деловой и жилой квартал в ближнем пригороде Парижа. Считается самым большим деловым центром Европы. Его также называют «парижским Манхэттеном».

² Parsons Paris — парижская школа искусств и дизайна.

— Джош и Рашми тоже встречаются, — добавляет моя соседка.

Ах. Мередит, должно быть, одинока.

К сожалению, я тоже. Дома я встречалась со своим другом Мэттом последние пять месяцев. Он был высоким, забавным и с приличной прической. Один из тех случаев: «Поскольку рядом нет никого лучше, не хочешь встретаться?». Все, что мы когда-либо делали, это целовались, и это было не так уж здорово. Слишком слюняво. Мне постоянно приходилось вытирать подбородок.

Мы расстались, когда я узнала о Франции, но это не стало трагедией. Я не рыдала, не посылала ему слезливые сообщения и не возвращала ключ от универсала его мамочки. Теперь он гуляет с Шерри Милликен из школьного хора, чьи блестящие волосы могут подойти для рекламы шампуня. Меня это даже не беспокоит.

Совсем нет.

Кроме того, расставание позволило мне свободно упиваться страстью к Тофу, красавчику-коллеге из кинотеатра. Не то чтобы я не засматривалась на него, когда была с Мэттом, но все же. Чувствовала себя виноватой. И между нами с Тофом что-то начало происходить — по-настоящему — уже в самом конце лета. Но Мэтт — единственный парень, с которым я встречалась, и это едва ли считается. Однажды я сказала ему, что в летнем лагере встречалась с парнем по имени Стюарт Тислбек. У него были рыжеватые волосы, он играл на бас-гитаре, и мы до безумия влюбились друг в друга, но Стюарт жил в Чаттануге, и у нас не было водительских прав.